

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна

РОЛЬ "ТРАНСЦЕНДЕНТНЫХ" СИМВОЛОВ В СИСТЕМЕ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭТНОСА

В данной статье анализируется специфика архетипической образности, базирующейся на фольклорно-мифологическом мышлении горцев. Функциональная заданность символов, образующих основу национального мировоззрения, выявляется на примере произведений балкарской эпической прозы. Особое внимание в работе уделено особенностям этнического сознания и взаимосвязи народно-поэтических традиций в культурной парадигме северокавказского региона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 1. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.31

В данной статье анализируется специфика архетипической образности, базирующейся на фольклорно-мифологическом мышлении горцев. Функциональная заданность символов, образующих основу национального мировоззрения, выявляется на примере произведений балкарской эпической прозы. Особое внимание в работе уделено особенностям этнического сознания и взаимосвязи народно-поэтических традиций в культурной парадигме северокавказского региона.

Ключевые слова и фразы: проза; трансцендентный образ; этническое сознание; миф; архетип; символ; мифология; тотемизм; субэтническая культура; эпос; семантика текста; мотив двойничества.

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, к. филол. н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик
bolatovaatabieva@mail.ru*

РОЛЬ «ТРАНСЦЕНДЕНТНЫХ» СИМВОЛОВ В СИСТЕМЕ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭТНОСА

В свете интересов современной гуманитарной науки теоретическое осмысление и трактовка художественных символов имеет мультикультурную значимость. Рассмотрение архетипических знаковых образов в контексте всей духовной культуры отдельно взятого этноса – задача сложная. Вобрать этот колоссальный объем материала в рамках одной научной статьи не представляется возможным. Целью данной работы является стремление выделить ряд типических образов-символов, плодотворно используемых в национальной прозе, и обозначить их место в системе архаических представлений народа. В этой связи нам кажется вполне логичным обращение к самой структуре фольклорно-мифологического сознания с тем, чтобы уяснить, насколько в нем доминирует тот или иной символ. Анализ соответствующих художественных текстов на предмет употребительности архетипов позволит установить «контактно-генетические» связи северокавказских народов, что существенно расширит ракурс нашего исследования.

В многовековом опыте каждого этноса выкристаллизована своя устойчивая система образов, образующих основу национального мировоззрения и менталитета. В различных субкультурах один и тот же символ бытует инвариантно. Степень повторяемости и функциональная заданность такого образа зависят от специфичности идеи, воплощению которой он подчинен. Трансцендентная природа символа выявляется и транслируется через привычные предметы, образы вещного мира, выходя за пределы обыденного восприятия. Высказанные умозаключения могут быть подкреплены разноплановым материалом балкарской эпической прозы.

Система архаических представлений народа неизменно согласуется с нравственно-этическим кодексом и идеалом горца. Так, к примеру, образы эпического героя – *воина, всадника* – в северокавказской литературе бытуют в качестве архетипических. Динамика и эволюция подобных образов иллюстрируют то, насколько сильна взаимосвязь народно-поэтических традиций в культурной парадигме региона.

Обращенность к истокам – прямое следствие стремления представителей искусства и литературы сохранить свою национальную идентичность. Оно продиктовано желанием обратить внимание последующих поколений на насущные проблемы современности. В эпоху стирания даже слабого намека на самобытность и своеобразие преподносимые ранее нравственно-этические ориентиры обесцениваются, теряют былое влияние. Региональные писатели намеренно акцентируют внимание на фольклоре и мифологии народа, поскольку именно в них сконцентрированы столь необходимые сейчас незыблемые черты облика горца. В нем каждый найдет для себя пример стойкости, мужества, мудрой сдержанности, любви к родной земле – всех тех составляющих, из которых складывается первичное представление об этнической ментальности. В качестве наиболее действенного средства передачи своеобразия этнического сознания чаще всего преподносятся трансцендентные образы, в которых заключен многовековой духовный опыт этноса.

Анализ прозаических произведений иллюстрирует тот факт, что в структурной семантике эпического текста значимы устойчивые архетипы *дерева, горы, воды, камня, очага*. Так, символ *дерева* играет структурообразующую роль в сюжете многих произведений эпической прозы балкарцев. Специфику этнического сознания наглядно демонстрирует и архаический образ *горы*. Гора позиционируется как ось мира в северокавказской космологии. Упоминание в архаических текстах белых вершин Эльбруса – свидетельство существования обычая почитания гор. *Гора* сама по себе является синонимом мира, вселенной, выражением душевного подъема, выступает связующим звеном между небом и землей. Таким образом, «сакрализация горного пространства имеет глубокую и неоднозначную основу» [7, с. 14]. В мировоззрении Кавказских народов она увязывается с культом *камня*.

Символизм, проникающий во все сферы бытия народа, характеризует прозу ведущих балкарских авторов. В пантеоне архетипических образов, нашедших эффективное применение в национальных литературах, нельзя обойти вниманием персонаж мудрого *старца*. Историзм мышления, психологический контраст в описовке национального характера на примере подобных образов – одна из доминирующих черт творчества А. Тепеева («Мост Сират» [3] – Хамзат), З. Толгурова («Алые травы» [6] – Каспот).

В символическом ключе следует рассматривать известный в литературе мотив «двойничества», когда художественный образ или персонаж произведения подвергается магической смене облика. Примером подобных

метаморфоз могут служить герои романов Х. Шаваева «Собачья свора» [9] (Солман-Сахай), З. Толгурова «Голубой типчак» [5] (Халимат-Хабла). В первом случае герой романа Х. Шаваева идентифицируется с представителем животного мира, во втором примере героиня З. Толгурова перевоплощается в дерево. Данная особенность мышления базируется на тотемических и анимистических воззрениях о возможном перевоплощении души человека в животного (растение, предмет). Этот мотив основан на мифологическом восприятии «человеческой или животной ипостаси божеств, духов» [8, с. 38].

При выделении структурообразующих мотивов и образов, реализованных в национальной художественной прозе, сталкиваешься с понятиями «Мировой горы» и «Мирового дерева», сохранившимися в сакральном пространстве этнического сознания. В иерархии символических образов и мифологем они занимают главенствующую позицию, являясь средоточием вселенской гармонии. Эти образы олицетворяют собой незыблемость жизни, магическую взаимосвязь природы и человека. В указанном аспекте наиболее ярким примером из национальной прозы служит роман-миф А. Теппеева «Мост Сират» [3]. Финальная сцена, в которой герой рубит Могучую сосну (эквивалент Мирового дерева), становится кульминацией философских размышлений писателя о жизни, усугубляя трагическую тональность эпического повествования.

Символика *камня* и *дерева*, почерпнутая из фольклорной поэтики, четко определяется в балкарской прозе. Сакральное прочтение образа *огня* или *очага* как символа жизни, тепла, света, домашнего уюта и благополучия семьи, помимо прочего содержательного наполнения, олицетворяет собой очищение и духовное обновление.

Миф, архетип, символ являются инструментами структурирования эпического текста, а также действенными орудиями воздействия на умы людей с целью обращения носителей субэтнической культуры к национальным духовно-нравственным ценностным ориентирам. Понятие мифа значительно расширяется в художественной парадигме современности. Мифологизм оказывается характерной чертой национального мировидения. Черты фольклорной эстетики проступают даже в портретных характеристиках главных героев балкарских романов и повестей. Мифологический параллелизм становится неотъемлемым элементом эпического повествования, позволяющим писателю взглянуть на недавние исторические события с точки зрения вечных категорий. Таков, к примеру, роман З. Толгурова «Белое платье» [4]. Трагические события переломной эпохи 1990-х транслируются здесь путем реконструкции эпоса (эпизод противостояния народа Нартов хтоническим чудовищам – Эмегенам).

Следует обратить внимание на то, что в качестве архетипического выступает не только образ-символ, но и герой, и сюжет, и конфликт произведения. Таков образ Нарта, обрисованный напрямую или поданный в трансформированном виде. Подтверждением сказанному служит содержание романа Э. Гуртуева «Крепость Шамсудина» [2]. Архаические модели, призванные прояснить особенности миропорядка, нашли отражение, прежде всего, в эпосе Северного Кавказа, который обнаруживает явные параллели с греческой мифологией и имеет типологические выходы на мифологии других древних народов.

Многозначные символы, заимствованные из мира природы, способствуют выражению противостояния антиномичных категорий бытия. Языческая традиция обращения к помощи обрядов, культов, тотемистических представлений свойственна не только для Северного Кавказа, но и для народов, населяющих Алтайский край. С фольклором карачаево-балкарцев их роднят тотемизм и приверженность к тенгрианству. Подобные представления тюркоязычных народов отражают линейное и вертикальное пространство через образы *степи* и *горы*. Характерным свойством их языческих верований является поклонение тотемам *волка*, *коня*.

Природа в произведениях балкарских прозаиков получает статус полноправного героя повествования. Мифологема Богини-матери или зооморфные образы *оленихи*, *волчицы* (повесть «Алые травы» [6], роман «Голубой типчак» [5] З. Толгурова) воспринимаются как специфические атрибуты мифического сознания тюркских народов, находят полное отражение в художественной литературе. «Бытие и сознание горца намеренно реконструируются через архетипы, знаки, коды, что позволяет обозначить в целом систему мыслительных и поведенческих координат, характеризующих менталитет народа» [1, с. 14].

В процессе осмысления данного вопроса мы приходим к закономерному выводу о том, что совокупность воззрений, выработанных веками в недрах субэтнического сознания, в значительной мере определяет самобытность нации. На определенных этапах эволюции северокавказским литературам «оказалось необходимым органически реконструировать миф, ставший для них не только опорой для воссоздания национального мира, но и своеобразным выражением национально-этического идеала» [7, с. 7]. Следствием чего стало расширение рамок художественного вымысла и диапазона восприятия действительности. Типологические поля соответствия, о которых упоминает исследователь Ю. Тхагазитов, анализируя данный вопрос на примере адыгских литератур, восходят к мифологическому и мифоэпическому сознанию. К архетипической образности и архаическим сюжетам в литературной интерпретации устной традиции примешивается рациональное зерно философской концепции писателя.

Список источников

1. **Болатова (Атабиева) А. Д.** Символы как средство идентификации национального сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 12-14.
2. **Гуртуев Э. Б.** Шамсудин кьаласы (Крепость Шамсудина): роман. Нальчик: Эльбрус, 1983. 242 с.
3. **Теппеев А. М.** Сыйрат кёпюр (Мост Сират). Нальчик: Эльбрус, 1993. 496 с.
4. **Толгуров З. Х.** Акъ жыйырыкъ (Белое платье). Нальчик: Эльбрус, 2005. 344 с.
5. **Толгуров З. Х.** Кёк гелеу (Голубой типчак). Нальчик: Эльбрус, 1993. 392 с.

6. Толгуров З. Х. Къызгъыл кырдыкла (Алые травы). Нальчик: Эльбрус, 1974. 276 с.
7. Тхагазитов Ю. М. Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). 2-е изд-е, перераб. и доп. Нальчик: Эльбрус, 2006. 278 с.
8. Хакуашева М. А. Формирование и развитие архетипических образов в кабардинской литературе [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д. филол. н. URL: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitiie-arkhetipicheskikh-obrazov-v-kabardinskoi-literature> (дата обращения: 16.03.2017).
9. Шаваев Х. И. Ит жыйын (Собачья свора): роман и повести. Нальчик: Эльбрус, 1996. 467 с.

THE ROLE OF "TRANSCENDENTAL" SYMBOLS IN THE SYSTEM OF THE ARCHETYPIC IDEAS OF ETHNOS

Bolatova (Atabieva) Asiyat Dautovna, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies, Nalchik
bolatovaatabieva@mail.ru

In this article the specificity of the archetypal imagery, based on the folklore and mythological thinking of the mountaineers, is analyzed. The functional predetermination of the symbols forming the basis of the national world view is revealed by the example of the works of the Balkar epic prose. Particular attention is paid to the peculiarities of the ethnic consciousness and the interconnection of the folk-poetic traditions in the cultural paradigm of the North Caucasian region.

Key words and phrases: prose; transcendental image; ethnic consciousness; myth; archetype; symbol; mythologeme; totemism; subethnic culture; epos; text semantics; motive of duality.

УДК 882(09)

В статье рассматривается добро и зло в трактовке М. А. Шолохова относительно революции и гражданской войны. Показано, что исторические образы подаются писателем сквозь призму метафизического противостояния добра и зла, выраженного через хронотоп «тихого» и «мутного» Дона. Авторская позиция относительно истории и исторических персонажей заключается в недопустимости насилия, ценности жизни каждого человека, трагизме избранного в гражданскую войну пути. Идеино-композиционно образы белых генералов связаны с образами Григория Мелехова и деда Гришаки. Установлено, что исторические персонажи являются важной частью единого этического целого романа «Тихий Дон». Эти выводы делают несостоятельной теорию о фрагментарно-схематическом использовании мемуарных источников и доказывают несомненное авторство М. А. Шолохова, его мастерство как художника слова, внёсшего ценный вклад в развитие русской культуры.

Ключевые слова и фразы: М. А. Шолохов; авторская позиция; добро; зло; гармония; смута; белые генералы; трагедия; истребление народа; преодоление зла; вера; святость; народное единство; вечные ценности; возрождение.

Гречушкина Наталия Валерьевна, к. филол. н.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского
natgrech@yandex.ru

ДОБРО И ЗЛО В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Проблема добра и зла в романе «Тихий Дон» затрагивалась в трудах многих исследователей: Ф. Г. Бирюкова, В. В. Кожина, Л. Г. Сатаровой, Г. С. Ермолаева, В. Г. Васильева, Н. Д. Котовчихиной, – рассматривавших важные аспекты поэтики «Тихого Дона»: «При всём жизнелюбии Шолохова, при всей побеждающей силе чело-веческой любви в его творчестве значительно сильнее и трагичнее звучит тема борьбы добра и зла» [5, с. 14]. Целью данной статьи является рассмотрение онтологической сущности добра и зла в контексте событий истории, связанных с образами белого движения, осмысленными М. А. Шолоховым в романе «Тихий Дон».

Эпический масштаб борьбы добра и зла представлен в произведениях Софокла, У. Шекспира, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и др. [4, с. 241]. В одном ряду с ними находится и М. А. Шолохов. «Тихий Дон» является не только местом зарождения казачества, но и «средоточием векового противостояния Добра и зла, восходящим к «этике любви и метафизике своеволия»» [7, с. 202].

В тексте романа изначально борьба добра и зла выражается в образе-символе «тихого» и «мутного» Дона и заявлена уже в эпиграфе к роману: «...Ой ты, наш батюшка *тихий* Дон! Ой, что же ты, *тихий* Дон, *мутне-хонек* течешь? / Ах, как мне, тихому Дону, не *мутну* течи!..» [8, с. 5].

Противостояние «тихого» и «мутного» начал – тишины и смуты – в контексте целого является основным хронотопом романа, посредством которого выражается авторская позиция М. А. Шолохова. Образ тишины имеет онтологическое обоснование: в Евангелии от Матфея, от Марка и от Луки повторяется образ тишины как выражение гармонии мироздания. Это говорит о сакральной сущности рассматриваемого образа.